

Пауль Влад

Святая сталь

Пауль Влад
Святая сталь

«Автор»

2026

Влад П.

Святая сталь / П. Влад — «Автор», 2026

Они теряют всё больше и больше - людей, территорий... доверия. Враги всегда играют грязно. И всегда выигрывают. Пришёл момент - выживания. «Святая сталь» — это не про святость. Это про цену, которую платят те, кто её защищает.

© Влад П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Пауль Влад Святая сталь

Глава

Глава первая. Тридентский вопрос

В Переделкино Горин когда-то уже бывал. Лет двадцать назад, ещё в другой жизни — на похоронах писателя, чьё имя он теперь вспоминал с трудом. Тогда тоже шёл дождь, и тогда тоже пахло мокрой сосной и чужой печалью. Он помнил, как стоял у могилы и думал о том, что совершенно не знал покойного, хотя числился его приятелем лет десять.

Из машины Горин вышел у деревянных ворот с облупившейся зелёной краской. За воротами — короткая дорожка, мокрый гравий, два фонаря по бокам. Дорожка вела к двухэтажному дому с верандой, послевоенной постройки. На крыльцо поднялся осторожно, левое колено в сырую погоду напоминало о себе. На верхней ступеньке остановился, слушая капель с карниза.

Внутри, в большой комнате с низким потолком и запахом старой мебели, уже сидел отец Серафим. Сидел с телефоном, который убрал слишком быстро, когда Горин вошёл. Жест не укрылся, но Горин сделал вид, что не заметил.

— Давно? — спросил Горин.

— Минут двадцать. — Серафим едва заметно пожал плечами. Ему не было сорока, сидел он прямо, без демонстрации этой прямоты.

У стены сидел ещё один мужчина. Горин его не знал.

Тёмно-синий костюм, немного тесный в плечах. Руки на коленях. Он смотрел на дальнюю стену — туда, где не было ничего, кроме светлого прямоугольника от снятой картины.

За окном в темноте шел дождь шёл. Упрямо, и без намерения заканчиваться.

Хозяин дома вошёл в двадцать два семнадцать, невысокий, чуть за шестьдесят, с усталостью не в жестах и не в голосе, а где-то около глаз. Кивнул Серафиму, Горину. Задержал взгляд на человеке у стены, чуть дольше, чем на остальных.

— Константин Юрьевич, — сказал он. Не как приветствие — как подтверждение.

Тот кивнул. Ничего больше.

Хозяин дома прошёл к столу и сел во главе. Только после этого присели за стол, остальные. Серафим — напротив. Горин — сбоку, ближе к окну. Константин Юрьевич не двинулся с места, он остался сидеть у стены, только чуть развернул стул, чтобы видеть всех.

Хозяин дома обвел всех присутствующих взглядом.

— Я попрошу, — сказал он, — чтобы мы сегодня говорили прямо, без «синодальной» витиеватости, по существу.

Никто ничего не ответил.

— Владислав Николаевич.

Горин открыл папку. Три листа. Он мог бы рассказать без них, но бумага в руках помогает — это он знал из прежней жизни.

— Украина, — сказал он. — Константинополь начал наступление не вчера. В две тысячи восемнадцатом году был выдан Томос, акт о признании независимости Православной церкви Украины. Это был первый удар, но необратимый. — Горин перевернул лист. — После этого началось давление уже государственное. К прошлому году под реальным управлением нашей патриархии оставалось около трёх тысяч приходов. Было двенадцать.

Он сделал небольшую паузу и продолжил.

— Прибалтика. — Горин перевёл взгляд на следующий лист. — В Латвии парламент в двадцать втором году проголосовал за то, чтобы церковь стала полностью независимой от Москвы. Мы пытались оспорить через суд, но проиграли. Рижская митрополия теперь существует сама по себе, медленно разворачивается в сторону Константинополя. В Эстонии ситуация другая, но не лучше, там с девяносто шестого года работают две параллельные православные структуры, наша и Константинопольская. В Молдавии, отдельная история. Бессарабская митрополия Румынского патриархата претендует на те же приходы, что и мы. Исторически Молдавия была частью нашей канонической территории, но Румыния давит, Европа смотрит сквозь пальцы. Если Молдавия вступит в Евросоюз, а она к этому идёт, румынская церковь получит все правовые преференции как структура страны-члена ЕС. Нас не запретят. Просто создадут среду, в которой мы будем медленно становиться ненужными. — Горин закрыл папку. — Это хуже запрета. Запрет делает из тебя мученика. Нерелевантность — просто стирает.

В комнате стало слышно, как Константин Юрьевич достал из нагрудного кармана маленький блокнот, что-то записав, убрал обратно. Никто ничего не спросил.

— Серафим. — негромко сказал хозяин дома.

— Был проведён закрытый социологический опрос. Достаточно широкий, чтобы цифрам можно было верить. — Серафим взял со стола карандаш, покрутил в пальцах, положил обратно. — Семьдесят два процента граждан называют себя православными. Красивая цифра. Мы её любим цитировать.

— Но, — сказал хозяин дома.

— На вопрос «как часто вы посещаете богослужения» еженедельно отвечают шесть процентов. Ещё восемь, раз в месяц или по большим праздникам. Остальные — по случаю. Крещение, отпевание, Пасха. — Серафим смотрел не на хозяина дома, а куда-то в сторону, мимо всех. — Среди молодёжи от восемнадцати до двадцати четырёх православными называют себя сорок четыре процента. Не семьдесят два — сорок четыре, и эта цифра падает каждые пять лет. Это значит, что при сохранении такой тенденции, через двадцать лет общая цифра упадёт сама по себе. Без какого-либо внешнего воздействия. Просто, потому что одно поколение стареет, а следующее...

Он не закончил. Просто замолчал.

Хозяин дома не торопил. Ждал.

— Причины, — продолжил Серафим, — Их несколько, одна из них, доверие доверие к церкви как к институту, оно составляет всего тридцать восемь процентов. И это не потому, что люди такие безбожники, а потому что они видят одно, а слышат другое, и делают выводы. Священник на «Мерседесе» говорит о смирении. Епархия строит резиденцию за сотню миллионов, на деньги, которые жертвовали на восстановление сгоревшего прихода, это попадает в интернет с документами и со сметами. — Серафим помолчал. — Один скандал можно пережить. Десять — уже система.

— Но есть кое-что важнее скандалов, — далее излагал Серафим. — Есть такое направление в социальной психологии — теория управления тревогой смерти. Суть в том, что религия существует прежде всего как ответ на экзистенциальный страх. Страх смерти, бессмысленности, одиночества. Церковь тысячу лет давала этот ответ монопольно. Теперь монополии нет. Психотерапия. Медитация, популярная философия, политический активизм. Даже сетевой маркетинг, я понимаю, что это звучит странно, но механизм тот же: принадлежность, смысл, защита от страха одиночества. Они предлагают это гибче, быстрее, на языке, который молодёжь понимает. — Серафим перевел дыхание. — Но это ещё не самое страшное. Самое страшное — это конкретные люди.

— Какие люди? — спросил хозяин дома.

— Лидеры мнений. — Серафим помолчал. — Их можно разделить на две группы.

Первая — это популярные блогеры и подкастеры, ведущие ютуб-каналы о науке, психологии, философии. Они не против церкви, они просто предлагают другую картину мира. Рациональную, доказательную, без сверхъестественного. Молодой человек смотрит это с детства, и к двадцати годам у него уже сформировано мышление, в котором для веры нет места. Не потому, что его убедили, а потому что он вырос в другой системе координат. Это массовое явление, и оно никуда не денется.

— А вторая?

— Вторая группа — это те, кто работает целенаправленно против нас. — Серафим говорил ровно, без интонации. — Люди, уехавшие, особенно те, кто уехал после начала боевых действий. Часть из них — журналисты, блогеры, общественные деятели с аудиторией. Они работают из Европы, им там созданы условия — студии, финансирование, площадки. Их задача, не просто критиковать власть, власть критикуют все. Их задача, разрушать то, что они называют «скрепами». Православие в этом списке стоит отдельно, потому что это не просто религия — это идентичность. Убери веру, и человек начинает задавать вопросы о том, кто он вообще такой и зачем ему эта страна. У одного такого канала восемь миллионов подписчиков. Средний возраст аудитории — двадцать три года. Это не блоггинг. Это институт.

В комнате было тихо.

— Мы им как-то отвечаем? — спросил Горин.

Серафим посмотрел на него.

— Официальными опровержениями. Которые никто не читает.

Хозяин дома встал и подошёл к окну.

— Думаю диагноз понятен, — завершил Серафим. — Люди не против веры. Они против формы, против дистанции.

— Это решаемо? — спросил Горин.

— Иезуиты решили. — Серафим произнёс это просто, без интонации. — Четыреста лет назад. Именно эту задачу.

Хозяин дома вернулся к столу. Не сел — стоял, положив руки на спинку стула.

— Я хочу сказать кое-что, что мы обычно не говорим вслух. — Он помолчал. — Мы привыкли думать о нашем положении как о чём-то новом. Давление Запада, украинский вопрос, информационные атаки, как будто это явление последних лет, но это не так.

Горин знал, что сейчас последует.

— Четвёртый крестовый поход, тысяча двести четвёртый год. Крестоносцы шли освобождать Иерусалим. Вместо этого взяли и разграбили Константинополь — православную столицу. Установили Латинскую империю, и это был Рим. Флорентийская уния, тысяча четыреста тридцать девятый год. Попытка объединить православие с католицизмом под властью папы. — Он говорил ровно, как человек, который давно передумал всё это в одиночестве. — Девятнадцатый век. Протестантские миссии в Прибалтике, на Кавказе, в Средней Азии. Системная работа по вытеснению православного влияния, велась всегда.

Он наконец сел.

— Мы всё это время отвечали одинаково. Смирением и терпением. Мы считали это добродетелью. Может, это и была добродетель. Но это была проигрышная стратегия.

Никто не возразил.

— Есть такой исторический паттерн, — сказал Серафим негромко. — Когда более слабый перенимает методы более сильного, и побеждает. Японцы в эпоху Мэйдзи. За тридцать лет переняли западную индустриальную модель, военную доктрину, образовательную систему. И стали империей, с которой считался весь мир. Монголы переняли у китайцев осадную инженерию, и взяли города, которые считались неприступными.

— Вот именно, — сказал хозяин дома. Игнатий Лойола сделал то же самое, он основал в тысяча пятьсот сорок четвёртом году Общество Иисуса — «Regimini militantis Ecclesiae» —

Управление воинствующей церкви. Взял инструменты Ренессанса — гуманистическое образование, риторику, книгопечатание, и обратил их против Реформации. И победил.

Он посмотрел на Серафима, тот опустил глаза.

— В тысяча пятьсот двадцать втором году Лютер стоял перед рейхстагом в Вормсе. «Auf dieser steht, ich kann nicht anders». — На том стою, иначе не могу. — Чуть помолчав. — Через двадцать пять лет половина Европы была протестантской. Рим терял то, что имел тысячу лет. Не потому, что проигрывал богословский спор, богословски Лютер был уязвим. Терял, потому что Гутенберг уже семьдесят лет как изобрел книгопечатание, а Рим этого не понял.

Хозяин дома сделал паузу — не риторическую, а ту, с которой человек решает, насколько далеко зайти.

— Нас атакуют методами, которые мы называем неприемлемыми, — сказал он. — Западные фонды, правозащитные структуры, журналисты на иностранном финансировании — это не конспирология, это аудированные отчёты. Они методично разбирают то, что мы строили столетия. Мы же отвечаем синодальными решениями, статьями в изданиях, которые читают люди, и без того согласные с нами.

Он налил воды в стакан, но пить не стал. Отодвинул стакан от себя, произнёс.

— Я думаю о структуре. Не синодальной, не епархиальной. Отдельной. Подчинённой напрямую мне и только мне. Два основных направления.

Горин кашлянул. Хозяин дома быстро взглянув на него, продолжил.

— Первое. Работа с обществом, не только у нас, но и за рубежом. Образ церкви. Доверие. Смысл. — Хозяин дома говорил медленно. — Не через проповеди, а через живых людей, которым доверяют. Алгоритмы соцсетей, которые можно использовать в нашу пользу так же, как их используют против нас. Мне нужны психологи. Специалисты по коммуникации. Люди, которые понимают, как работает внимание в цифровой среде. Убеждённые — это обязательное условие.

Хозяин сделал паузу, чтобы сказанное уложилось в головах слушавших.

— Но есть и те, с кем этот метод не работает. Те, кто уже сделал выбор против нас. Осознанно. Публично. С опорой на внешние силы. Речь о тех, кто сознательно работает на разрушение Церкви.

Он говорил без пафоса, без повышения голоса.

— Для них — второе. Сначала — информация, давление через репутацию, работа с окружением. Потом, если нужно, прямое давление.

Горин спросил, хотя знал, что лучше не спрашивать:

— И что с ними?

Хозяин дома взглянул на него. Спокойно.

— С ними — всё, что потребуется.

В комнате стало тихо.

Серафим опустил глаза. Горин не пошевелился. Ручка в пальцах Константина Юрьевича перестала двигаться, он услышал то, чего ждал.

— Это не по-христиански, — наконец очень тихо сказал Серафим. Не с осуждением, а как констатацию.

— А инквизиция была по-христиански? — ответил хозяин дома. — Шестьсот лет. Тысячи костров. И церковь не только выжила, она стала сильнее.

— Инквизиция была публичной, — сказал Горин. — Официальной. У неё были трибуналы, протоколы, приговоры.

Хозяин дома посмотрел на него.

— Именно, — сказал он. — Это давало ей силу, и это её погубило. Публичность создала врагов. Дала противнику мишень. В конечном счёте, заставила отречься. Поэтому мне и нужна

структура, которой официально не существует. Её нельзя осудить. Нельзя запретить. Нельзя разоблачить. Потому что нет документов. Нет устава. Нет печати. Есть только результат.

Тишина.

Хозяин дома посмотрел на каждого по очереди.

— Что важнее, чистота средств или выживание того, ради чего эти средства применяются?

Никто не ответил. Дождь за окном усилился

— Хорошо, — сказал он. — Значит все согласны.

Горин уезжал последним. Серафим попрощался коротко, пошел пешком, сказал, что живёт неподалёку. Константин Юрьевич исчез так же, как появился — через боковую дверь. В машине Горин сидел тихо. Шофёр выруливал на шоссе. Огни Москвы впереди — ровные, холодные, бесконечные. Горин вдруг подумал о дочери. Не к месту, просто — подумал.

Глава вторая. Человек с блокнотом

Утром он проснулся в пять тридцать — как всегда, без будильника.

Заправил постель. Не наспех, а так, как заправлял каждое утро — простыня натянута, подушка по центру, плед сложен точно вчетверо и положен у изголовья. Потом умылся, повесил полотенце симметрично, левый край к левому краю держателя.

На кухне сварил кофе в джезве, сел у окна. За окном двор был пустым, мокрым, с одним фонарём, который мигал третью неделю и которого никто не чинил. Константин Юрьевич смотрел на этот фонарь и пил кофе. Джезvu после мытья ставил ручкой строго влево. Всегда. Не думая, просто так было правильно.

Достал блокнот. Маленький, в твёрдой чёрной обложке, с резинкой. Таких он покупал каждый год по три штуки в одном и том же магазине на Мясницкой. Писал от руки, не из сентиментальности, а из привычки, выработанной ещё в то время, когда телефон мог быть прослушан, а экран сфотографирован, а бумага оставалась бумагой.

Раскрыл на вчерашней записи. Две строчки, сделанные во время разговора.

Образ — смысл — доверие.

Убежденные. Не сломленные.

Посмотрел на них. Перевернул страницу.

На чистом листе написал одно слово: *Отбор.*

И поставил под ним вопросительный знак.

Потом зачеркнул вопросительный знак. Потом зачеркнул само слово.

Встал, долил кофе, вернулся.

Проблема была не в том, как отбирать. Проблему он в целом понимал, работал с людьми двадцать лет, видел, кто ломается и на каком именно изгибе. Проблема была в другом, сказано — убеждённые, и это слово означало нечто, что нельзя проверить ни полиграфом, ни биографией, ни рекомендательным письмом. Убеждённость проверяется только одним способом — временем и давлением. А ни того ни другого сейчас не было.

Написал в блокноте: *Автономность. Человек, которому не нужно одобрение.* Подумав, добавил: *но не одиночество. Разница принципиальная.*

Фонарь во дворе мигнул и погас совсем. Константин Юрьевич допил кофе и начал одеваться. В восемь сорок пять он закрыл блокнот, убрал в левый ящик стола — туда, где он всегда лежал. Надел пальто. Застегнул все пуговицы, снизу вверх. Проверил, что ключи на месте и вышел из квартиры.

На Китай-городе вышел из метро и пошёл переулками — через Маросейку, под аркой, мимо дома с облупившимися наличниками. Храм Святых апостолов Петра и Павла стоял в глубине переулка, почти невидимый с улицы — приземистый, с колокольной, которую загоразживали тополя. Константин Юрьевич знал его с той поры, когда работал в организации, зани-

мавшейся совсем другими вопросами. Тогда этот приход интересовал его по одной причине. Сейчас — по другой.

Отец Вениамин прибирал после утренней службы — переставлял подсвечники, собирал огарки в жестяное ведро. Небольшой, лысоватый, увидев Константина Юрьевича, кивнул без удивления, как будто тот заходил каждую неделю, хотя он не был здесь больше года.

— Проходи.

Сели в маленькой комнате за алтарём. Стол, два стула, электрический чайник, полка с книгами — большинство зачитаны до состояния, когда обложки держатся из последних сил. Одна книга лежала на столе корешком вверх. Константин Юрьевич машинально закрыл её, положил ровно у края стола. Вениамин это заметил, но ничего не сказал.

Вениамин налил кипяток в кружку, подвинул вторую, Константин Юрьевич накрыл её ладонью.

— Мне нужны люди.

— Какие?

— Верующие. Не декоративно — по-настоящему. При этом с профессиональными навыками. Психологи, специалисты по коммуникации, люди с аналитическим опытом. Способные работать в условиях, когда нельзя рассказывать, чем занимаешься.

Вениамин молчал. Смотрел в кружку.

— Для чего?

— Для работы, которая сейчас нужна церкви больше, чем новые храмы.

— Это не ответ.

— Я знаю. Это пока всё, что я могу сказать.

Вениамин поднял глаза, так смотрят люди, привыкшие к исповедам и научившиеся слышать не только слова.

— Ты понимаешь, что я тебе этих людей не дам просто так?

— Понимаю.

— Я должен знать, что с ними будет.

— Ничего плохого с ними не будет. — Константин Юрьевич сказал это ровно, без нажима. — Это правда, но она ничего не доказывает. Поэтому не прошу верить на слово. Прошу одно — назови имена. Я буду смотреть сам. Если человек подходит, подойду к нему напрямую. Ты ни при чём.

— Я при чём, — сказал Вениамин. — Я всегда при чём, когда называю имена.

Константин Юрьевич кивнул. Это была правда, и возражать было нечего.

— Тогда скажи мне одно. — Вениамин поднял глаза. — Это от него?

Пауза. Короткая.

— Да.

Вениамин встал, подошёл к полке, вытащил тонкую книгу в бумажной обложке, повертел в руках, поставил обратно. Руки искали занятие, пока голова думала.

— Есть один человек, — сказал он наконец. — Психолог. Три года работала в реабилитационном центре для зависимых. До этого, кандидатская по социальной психологии. Полгода назад ушла, сейчас ищет, куда себя деть. — Он вернулся к столу, сел. — Умная. Верующая, без показухи. И есть одно качество, которое сложно описать словами.

— Какое?

— Она слышит, что человек не говорит. Не читает между строк, а именно слышит. — Вениамин посмотрел на него. — Это редкость.

— Имя?

— Ирина Дмитриевна Савина. Но я хочу, чтобы ты поговорил с ней без легенды. Если ты ей не понравишься — она уйдёт, и ты её не остановишь. Такой характер.

— Устраивает.

— И ещё один человек. Но этого я тебе называть не буду.

— Почему?

— Потому что он сам тебя найдёт. Если ты тот, за кого я тебя принимаю. — Вениамин взял кружку. — Просто не торопи.

Константин Юрьевич поднялся, застегнул пиджак.

— Спасибо.

— Не благодари. — Вениамин смотрел в кружку. — Молись, чтобы я не ошибся.

На улице было серо, влажно, пахло прелыми листьями. Константин Юрьевич шёл по переулку, заложив руки за спину — привычка, от которой когда-то жена просила его избавиться, говоря, это делает тебя похожим на следователя. Жена ушла восемь лет назад, а привычка осталась.

На Маросейке он остановился у светофора, ждал зелёного. Рядом стояла женщина с ребёнком — мальчик лет семи, в красной куртке, смотрел на лужу с тем особенным выражением, с которым дети смотрят на лужи перед тем, как в неё прыгнуть. Женщина держала его за руку. Зажегся зелёный. Они перешли. Мальчик лужу обошёл — сам, без напоминания. Константин Юрьевич перешёл следом, думая о другом, вечером того же дня он отправил короткое сообщение через посредника: *Начал. Первый кандидат — завтра.*

Ответ пришёл через час. Одно слово: *Хорошо.*

Константин Юрьевич закрыл телефон, лёг на диван. На ночном столике лежала книга — «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы, старое издание, зачитанное. Он купил её несколько лет назад, прочитал тогда же, с карандашом, оставил пометки на полях. Теперь иногда перечитывал — не целиком, открывал, где придётся.

«Под именем духовных упражнений разумеется всякий способ испытания совести, размышления, созерцания... Ибо как прогулка, путешествие пешком и бег суть телесные упражнения, так же точно духовными упражнениями называется всякий способ подготовки и настройки души к тому, чтобы освободиться от всех беспорядочных привязанностей».

Он остановился на слове *беспорядочных*.

Игнатий имел в виду привязанности к вещам, к людям, к собственным желаниям — всему, что мешает двигаться туда, куда надо. Но Константин Юрьевич думал сейчас о другом. О том, что любая структура тоже обрастает беспорядочными привязанностями — к собственному выживанию, к собственным правилам.

Он закрыл книгу. За окном Москва шумела ровно и равнодушно, как будто ничего не происходит. Это было, конечно, неправдой, но иногда неправда успокаивает лучше.

Убрал книгу и достал блокнот, написал последнюю запись.

Савина. Завтра. 11:00.

Закрыв и убрал в левый ящик. Лёг спать.

В пять тридцать проснётся сам. Заправит постель. Поставит джезvu ручкой влево.

Глава третья. Савина

Книга лежала на столе уже три недели, раскрытая на сорок второй странице. Савина каждый вечер садилась рядом с ней, и не читала. Не потому, что книга была плохой. Книга была хорошей — Виктор Франкл, «Человек в поисках смысла», она перечитывала её раз в несколько лет, всегда находила что-то новое. Но сейчас страница сорок два стояла перед ней как стена, и за стену не было сил идти.

Это называлось выгорание. Она знала это слово. Произносила его пациентам — мягко, без осуждения, с правильной интонацией. Объясняла механизм, говорила, что это нормально, что это лечится, что нужно время.

Сейчас ей было тридцать девять лет, шесть месяцев как она ушла из центра, и она сидела на кухне с нечитаной книгой и думала о том, что время идёт, а лучше не становится.

Центр назывался Реабилитационный центр «Новый путь», она проработала там три года, в центре всё было правильным. Там были настоящие люди с настоящими проблемами, там каждый день что-то происходило — срывы, откаты, маленькие победы, звонки в два ночи. Там она чувствовала, что делает что-то настоящее.

Потом случился Денис, ему было тридцать два года, бывший программист, восемь лет зависимости. Он провёл в центре почти два года. Она работала с ним дольше всех — еженедельные сессии, потом дважды в неделю, потом просто звонки, когда было плохо. Он был умным, ироничным, с хорошей самоиронией, качество редкое и ценное. Он начал выходить. Медленно, с откатами, но выходить. Потом позвонила его мать. В семь утра, в воскресенье. Савина помнила этот звонок не словами — телом. Как сжалось что-то в груди и не разжалось потом несколько недель.

Она ушла не из-за Дениса. Или не только из-за него. Ушла, потому что поняла, она давно уже перестала разделять, где заканчивается работа и начинается она сама. Что она не помнит, чем занималась до центра.

Веру она никогда не обсуждала. Не то чтобы стеснялась, просто не находила слов. Она не постилась строго, не читала молитвенное правило, ходила в церковь нерегулярно. Но за три года работы с людьми в самом нижнем слое, там, где человек уже почти не человек, где от него осталась только боль и привычка — она видела что-то, чему не было медицинского названия. Момент, когда человек решает жить. Не потому, что ему объяснили зачем. Просто — решает. Она видела это двадцать, тридцать раз. И каждый раз думала, это не я. Это что-то через меня. Это и была её вера. Не доктрина, а опыт. Вениамин, с которым она говорила однажды после службы, сказал ей тогда одну фразу: «Вы слышите людей так, как будто они вам важны». Она не нашлась, что ответить.

В половине восьмого вечера позвонил незнакомый номер.

Она редко брала трубку с незнакомых номеров, слишком часто звонили бывшие пациенты или их родственники, а она уже не могла помочь и чувствовала себя виноватой за то, что не может. Но этот номер она взяла. Сама потом не знала почему.

— Ирина Дмитриевна? — голос был ровным, негромким, без интонации вниз или вверх.

— Да.

— Меня зовут Константин Юрьевич. Вас рекомендовал общий знакомый. Отец Вениамин.

— Слушаю, — сказала она.

— Я хотел бы встретиться. Если вы готовы.

— О чём разговор?

Пауза. Короткая, но она её услышала.

— О работе, которая вам была бы интересна.

— Откуда вы знаете, что мне было бы интересно?

— Не знаю, — сказал он. — Именно поэтому хочу встретиться.

Савина смотрела на книгу на столе. Страница сорок два.

— Когда?

— Завтра, если удобно. В одиннадцать. Я предложу место.

— Предлагайте.

Он назвал кафе в районе Чистых прудов. Она знала его — небольшое, тихое, из тех, где можно говорить, не поднимая голоса.

— Хорошо, — сказала она. — Буду.

— Спасибо.

Он положил трубку. Без формул вежливости, без «до завтра» — просто положил.

Савина посмотрела на телефон в руке. Потом на книгу. Потом снова на телефон.

Она умела слышать то, что люди не говорят. Этот человек не сказал ничего — и она услышала достаточно, чтобы понять, это не обычный разговор о работе. Что именно это было — она не знала. Но страница сорок два перестала быть стеной. Она закрыла книгу, убрала со стола, пошла заваривать чай. За окном Москва шумела как всегда — ровно, равнодушно, не обещая ничего определённого. Савина крестилась перед иконой в прихожей. Не торопясь.

Глава четвёртая. Кафе на Чистых прудах

Он уже был там, когда она вошла. Сидел за столиком у окна, пальто висело на спинке стула, на столе стояла нетронутая чашка кофе. Он смотрел на вход и, когда она появилась на пороге, кивнул. Не встал, просто кивнул — спокойно, даже буднично.

Савина сняла пальто, повесила на вешалку у стены и подошла к столику. Тогда он поднялся — коротко, без лишних движений.

— Ирина Дмитриевна.

— Константин Юрьевич.

Они сели. Подошёл официант, Савина заказала чай.

Кафе было маленьким и тихим. Деревянные столы, окна на бульвар, лампы с тёплым жёлтым светом. Пахло корицей и свежим кофе. За соседним столом сидела женщина с ноутбуком и в наушниках, больше никого. За окнами стоял октябрь — серый, промозглый, с голыми ветками и низким небом.

— Вы давно знаете отца Вениамина? — спросил он.

— Не очень. Несколько разговоров после службы. Однажды он попросил меня поговорить с одной прихожанкой.

— И вы поговорили?

— Поговорила.

Он кивнул, словно это подтверждало что-то, о чём он уже думал раньше. Несколько секунд они сидели молча, и это молчание не было неловким — он умел молчать, и она тоже.

— Расскажите мне о вашей работе в центре, — сказал он наконец.

— Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.